

STUDIA PHILOLOGICA

А. Д. Степанов

ПРОБЛЕМЫ
КОММУНИКАЦИИ
У ЧЕХОВА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 83.3(2Рос=Рус)

С 79

Издание осуществлено при поддержке
университета *Åbo Akademi* (Финляндия)

Степанов А. Д.

С 79 Проблемы коммуникации у Чехова. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 400 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0052-0

Монография представляет собой попытку применения бахтинской теории речевых жанров к изучению поэтики художественного текста. На материале всего чеховского творчества исследуется специфика функционирования информативных, риторических, императивных, экспрессивных и фатических жанров, в том числе спора, проповеди, просьбы, приказа, жалобы, исповеди и др. Описание особенностей изображения Чеховым речевых жанров сочетается с исследованием стоящих за ними интерсубъективных и социальных категорий. Автор демонстрирует имплицитное понимание Чеховым пределов возможностей человеческого языка, самовыражения и понимания другого.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована картина Э. Мунка
«Комната умирающего» (1895, Национальная галерея Осло)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavice@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0052-0

© Степанов А. Д., 2005

© Языки славянской культуры, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Уведомления и благодарности	7
Введение	9
<i>Глава 1. МЕТОД, МАТЕРИАЛ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ</i>	23
1.1. Переосмысляя теорию речевых жанров М. М. Бахтина	23
1.2. Теория речевых жанров и литературоведение	49
1.3. Смешение / смещение жанров и порождающие механизмы чеховского текста.	58
<i>Глава 2. ИНФОРМАЦИЯ И РЕФЕРЕНЦИЯ. ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ</i>	84
2.1. Информация vs. этика	86
2.2. Чеховская «семиотика»: старение / стирание знака .	94
2.3. Омонимия знаков. Референциальные иллюзии ...	110
2.4. Информативно-аффективные жанры. Спор. Герой и идея	122
2.5. Споры в «Моей жизни»: этика vs. познание	144
<i>Глава 3. РИТОРИКА И ПРАВО. АФФЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ</i>	155
3.1. Риторика у Чехова	157
3.2. «Враги»: мелодрама, риторика, горе	167
3.3. Проповедь и право	174
3.4. «Дуэль»: проповедь in extremis	180

<i>Глава 4. ЖЕЛАНИЕ И ВЛАСТЬ.</i>	
ИМПЕРАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ	188
4.1. Просьба: столкновение желаний	190
4.2. Приказ и власть	210
4.3. Ролевое поведение у Чехова	222
4.4. Абсурдная иерархия: равенство неравных	233
<i>Глава 5. СОЧУВСТВИЕ И ИСКРЕННОСТЬ.</i>	
ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ	243
5.1. Жалоба и сочувствие	246
5.2. Исповедь. Обвинение себя и других	266
5.3. «Ариадна»: искренность и самооправдание	277
<i>Глава 6. КОНТАКТ И УСЛОВИЯ КОММУНИКАЦИИ.</i>	
ФАТИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ	292
6.1. Парадоксы «общения для общения»	296
6.2. Контакт как проблема. Провал коммуникации	305
6.3. «На святках»: условия контакта	321
6.4. «Архиерей»: за пределами контакта и отчуждения .	335
Заключение	360
Указатель произведений А. П. Чехова	369
Указатель имен	375
Список цитируемой литературы	380
Summary	391

УВЕДОМЛЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ

Небольшая часть текста книги публиковалась в виде отдельных статей автора:

«Случай из практики» — рассказ открытия или рассказ прозрения? // Чеховские дни в Ялте. Чехов в меняющемся мире. М.: Наука, 1993. С. 107—114.

Лев Шестов о Чехове // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М.: Наука, 1996. С. 75—80.

Риторика у Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М.: Наука, 1998. С. 72—79.

Проблемы коммуникации у Чехова // Молодые исследователи Чехова. / Отв. ред. В. Б. Катаев. М.: МГУ, 1998. Вып. 3. С. 10—15.

«Иванов»: мир без альтернативы // Чеховский сборник. / Отв. ред. А. П. Чудаков. М.: ИМЛИ им. Горького, 1999. С. 57—70.

Проблемы коммуникации у Чехова // 1999 AATSEEL Annual Meeting. Chicago, 1999. P. 125—127.

Психология мелодрамы // Драма и театр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. Вып. 2. С. 38—51.

Речевые жанры у Чехова: постановка вопроса // Korean Journal of Russian Language and Literature. 2001. № 13—2. P. 399—418. (Title in Korean and English).

Антон Чехов как зеркало русской критики // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — нач. XX в.: Антология. / Сост., предисл., общ. ред. И. Н. Сухих. СПб.: РХГИ, 2002. С. 976—1007.

Парадоксы власти у Чехова // Materials of the Korean Association of Russian Studies Annual Conference. Seoul: Yonsey University press. 2002. P. 1—15. (Title in Korean).

Рассказ А. П. Чехова «Архирей»: сопротивление интерпретации // Scando-Slavica. Tomus 48. 2002. С. 25—44.

Все они были существенно переработаны для настоящего издания.

Книга была написана и опубликована при финансовой поддержке университета Åbo Akademi (Турку, Финляндия). Я благодарен профессору Барбаре Лённквист за постоянную заботу и советы. Я благодарю также коллег, прочитавших книгу в рукописи и сделавших ценные замечания: А. О. Панича, Н. Е. Разумову, А. В. Щербенка. О. Л. Фетисенко взяла на себя труд по редактированию книги, за что я ей крайне признателен. И, наконец, самая глубокая сердечная благодарность — моему учителю, Игорю Николаевичу Сухих, открывшему для меня Чехова.

ВВЕДЕНИЕ

Чехов — фонограф, который «передает мне мой голос, мои слова»¹. «В Чехове Россия полюбила себя»². «Всё — плагиат из Чехова»³. Знарок ранней чеховианы замечает, что подобные высказывания современников — великих и не великих — «можно продолжать бесконечно»⁴. Чеховский текст воспринимался как зеркало, которое отражает, — но в то же время искажает, переворачивает, создает эффект глубины, показывает уже знакомое под другим углом, и при всем том остается непрозрачным, загадочным. Это ощущение непрозрачности чеховского «зазеркалья» сохраняется у исследователей и внимательных читателей до сих пор. Сначала критики, писавшие о Чехове, а затем литературоведы XX века то и дело указывали на так называемую «чеховскую загадку».

Загадок, собственно, две.

Первая состоит в том, что очень трудно найти единую доминанту, объединяющую непохожие друг на друга тексты. Ее можно сформулировать — как и поступал еще Н. К. Михайловский — словами одного из героев самого Чехова: «(В)о всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей или богом живого челове-

---

¹ Анненский И. Три сестры // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 82.

² Розанов В. В. Наш «Антоша Чехонте» // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 870.

³ С. Ч. В родном городе // Козловская газета. 1910. 24 января.

⁴ См.: Мурина М. А. Чеховиана начала XX века // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 21.

ка»⁵. Дробность мира «пестрых рассказов», глобальные различия между ранними и поздними произведениями, бесконечное разнообразие героев и ситуаций, кажущаяся случайность их характеристик, «лишние» предметы, детали и эпизоды, полярное освещение сходных событий (комическое и драматическое), отсутствие четкой границы между важным и неважным, нарушение причинно-следственных связей на всех уровнях художественной структуры, — все это препятствует литературоведческой работе обобщения. Можно согласиться с В. Н. Турбиным в том, что Чехов — самый трудный для исследования русский писатель XIX века. «И закономерно, кстати, что творчество Чехова неизменно обходили все самые радикальные, самые отчаянные в своих литературоведческих устремлениях литературоведческие школы — и формалисты-„опоязовцы“, и „эйдологическая школа“ В. Ф. Переверзева, а ранее — компаративисты»⁶, а позднее — можем добавить мы — и структуралисты. Найти единый угол зрения здесь очень трудно, — не случайно чеховская тематика и поэтика часто описывалась исследователями как оксюморонная: в разное время ее сводили к формулам «ненормальность нормального»⁷, «случайностная целостность»⁸, «уродливость красоты»⁹ и т. д.¹⁰ Суждения о глобальных закономерностях поэтики, о видении Чеховым мира и человека обычно оказываются либо применимыми только к части его творчества, либо говорят о принципиальной открытости, незавершенности,

⁵ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 7. М., 1977. С. 307. В дальнейшем цитаты из Чехова даются по этому изданию в тексте с указанием тома и страницы. Серия писем обозначается П. Курсив в текстах Чехова, кроме специально оговоренных случаев, наш.

⁶ Турбин В. Н. К феноменологии литературных и риторических жанров у А. П. Чехова // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 204.

⁷ Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX в. Л., 1973. С. 21. Ср. там же: «страшно нестрашно» (С. 21), «нереально реальное» (С. 22).

⁸ Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М., 1971. С. 187.

⁹ Мильдон В. И. Чехов сегодня и вчера («другой человек»). М., 1996. С. 15.

¹⁰ Несводимые к одному знаменателю противоречия замечали уже современники. Ср., например: «Бунин выделяет несколько глубинных противоречий в миропонимании Чехова: стремление к одиночеству и неспособность жить в одиночестве; стремление к красоте и вырождение красоты; категорический отказ от бессмертия и жажда бессмертия; отвращение к философии будущего счастья и желание возвысить настоящее — грядущим» (Нива Ж. Чеховская «шагреновая кожа» // Нива Ж. Возвращение в Европу. М., 1999. С. 62).

полнейшей «адогматичности» этого мира; либо об уходе Чехова от суждения о мире к суждению о познании (при том, что никто из героев не обретает конечной истины). Но в то же время многие ученые указывают на то, что чеховские тексты насквозь пронизаны лейтмотивами, в них есть множество «параллельных мест»¹¹, повторяющихся мотивов, схождений «начал и концов» от «Безотцовщины» к «Вишневному саду». Эти параллели эксплицированы и тем более интерпретированы в чеховедении еще далеко не полно.

Вторая загадка — это отношение Чехова к героям и событиям, которое должно определить самые основные черты «архитектоники» его текстов. Объективность и сдержанность Чехова оставляет читателя наедине с зеркалом. Отсюда разноголосица полярных мнений — например, об отношении автора к страданиям его героев. На одном полюсе — такие суждения:

Чехов замечал незаметных людей (...) он преисполнен жалости и сострадания (...) нежная, проникновенная любовь к данному и смутная, едва уловимая надежда на то, что «все образуется» (...) У Чехова жестокости нет никакой¹²;

(Он был царь и повелитель нежных красок (...) Любовь просвечивает через ту объективную строгость, в какую облекает Чехов свои произведения (...) в глазах Чехова, в его грустных глазах, мир был достоин акафиста (...) Все это он знал и чувствовал, любил и благословлял, все это он опажнул своею лаской и озарил тихой улыбкой своего юмора¹³.

На другом — такие:

(Г)-ну Чехову все едино — что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца¹⁴.

Упорно, уныло, однообразно в течение всей своей почти 25-летней литературной деятельности Чехов только одно и делал: теми или иными средствами убивал человеческие надежды (...). В руках Че-

¹¹ См.: *Сухих И. Н.* Повторяющиеся мотивы в творчестве Чехова // Чеховиана. Чехов в культуре XX века. М., Наука, 1993. С. 26—32; *Кожевникова Н. А.* Сквозные мотивы и образы в творчестве А. П. Чехова // Русский язык в его функционировании. Третьи шмелевские чтения. 22—24 февр. 1998. М., 1998. С. 55—57 и др.

¹² *Философов Д. В.* Липовый чай // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 853—854.

¹³ *Айхенвальд Ю. И.* Чехов // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 722, 727, 750.

¹⁴ *Михайловский Н. К.* Об отцах и детях и о г-не Чехове // А. П. Чехов: pro et contra. СПб., 2002. С. 84.

хова все умирало (...) Чехов надорвавшийся, ненормальный человек¹⁵.

(Н)аписанное Чеховым отличается чрезвычайной жестокостью (...) «Идея», «обязательство», «долг», «тенденция» — словом, все специфические, болезненные особенности русской интеллигенции, этого атеистического «прогрессивного» рыцарского ордена нашли в Чехове жесточайшего гонителя (...) жестокость Чехова-наблюдателя повергала в отчаяние его самого¹⁶.

Аналогичные подборки взимонключающих мнений легко составить и по другим вопросам: религиозным¹⁷, общественным¹⁸, философским¹⁹. Свести эти полюса к трюизму «истина — посередине» едва ли возможно: у жестокости и жалости, атеизма и веры, революции и эволюции, агностицизма и оптимизма в познании нет никакой «середины». Нам кажется более продуктивным путь осознания тотальной парадоксальности чеховского мира, неснятых противоречий, и поиск их объяснения на некоем ином уровне рефлексии.

Частью «чеховской загадки» оказываются и проблемы коммуникации в его текстах. Тему некоммуникабельности так или иначе затрагивали все, кто писал о Чехове. Ей посвящены две книги²⁰. Особенно много было сказано исследователями чеховской драматургии. Харви Питчер отмечал в 1973 г.: «С 1920-х

¹⁵ Шестов Лев. Творчество из ничего // Там же. С. 567, 568, 580.

¹⁶ Нива Ж. Чеховская «шагреновая кожа» // Нива Ж. Возвращение в Европу. М., 1999. С. 55—63.

¹⁷ Обсуждению спорного вопроса о религии Чехова и «у Чехова» был посвящен целый конгресс (см.: Anton P. Čechov — Philosophische und Religiöse Dimensionen im Leben und im Werk. Vorträge des Zweiten Internationalen Čechov-Symposiums. Badenweiler, 20—24 Oktober 1994. München, 1997. 641 S.). Мнения многих исследователей разделились самым непримиримым образом, даже по поводу одних и тех же текстов.

¹⁸ Восприятие Чехова как писателя, демонстрировавшего ненормальность всего уклада русской жизни (из чего следовал логический вывод о необходимости радикальных перемен), было свойственно большинству советских литературоведов, в том числе таким глубоким исследователям, как Г. А. Бялый, А. П. Скафтымов и Н. Я. Берковский. В последние 15 лет суждения о чеховских общественных идеалах повернулись на 180 градусов.

¹⁹ Спектр трактовок темы «Чехов как мыслитель» был чрезвычайно широк уже в дореволюционной критике. В современном чеховедении можно встретить утверждения о чеховском агностицизме, позитивизме, персонализме и т. д. вплоть до самого крайнего мистицизма.

годов (...) подобные суждения повторялись вновь и вновь, и сейчас едва ли можно найти западную работу о чеховских пьесах, в которой не был бы упомянут „трагический недостаток понимания между героями“²¹. Исследователь отвергает этот взгляд как преувеличение — и, по-видимому, небезосновательно. Действительно, столь же верной представляется противоположная точка зрения: вошедшие в критический обиход со времен первых мхатовских спектаклей суждения о едином настроении, ритме и тоне речей героев, пронизывающем чеховские пьесы²², о «группе лиц» (Мейерхольд), понимающих друг друга с полуслова или вовсе без слов, как Маша и Вершинин²³, в которой только отдельные «чеховские» персонажи, вроде Яши в «Вишневом саде», выбиваются из общего тона. То же можно сказать и о чеховской прозе: наряду с рассказами, где некоммуникабельность с ее психологическими и социальными импликациями ясна без всяких комментариев («Дочь Альбиона», «Злоумышленник», «Новая дача» и мн. др.), есть и тексты, в которых, как считают многие исследователи, происходит «чудо понимания» — в условиях, когда понимание кажется абсолютно невозможным («Студент», «На святках», «Архирей» и др.).

Коммуникативную проблематику чеховских текстов обычно сводят к одной проблеме — отсутствию взаимопонимания. Исследователи не раз повторяли слова Елены Андреевны из пьесы «Дядя Ваня» о том, что «мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг...» (13, 79), видя в них чеховское послание к миру. Так воспринимали его произведения современники, причем не только критики, но и простые читатели и зрители:

---

²⁰ См.: *Pervukhina, Natalia*. Anton Chekhov: The Sense and the Nonsense. N.Y., 1993; *Jędrzejkiewicz, Anna*. Opowiadania Antoniego Czechowa — studia nad porozumiewaniem się ludzi. Warszawa, 2000.

²¹ *Pitchey, Harvey J.* The Chekhov Play: a New Interpretation. Leicester, 1973. P. 25. (Здесь и далее по всей книге переводы иноязычных цитат мои. — А. С.)

²² Ср., например: «Каждая фраза живет собственной жизнью, но все фразы подчинены музыкальному ритму. Диалог „Трех сестер“ и „Вишневый сад“ — да, это музыка!» (*Белый А. А. П. Чехов // А. П. Чехов: pro et contra*. СПб., 2002. С. 834—835).

²³ Ср.: «„Три сестры“ — не только чебутыкинская тара-рабумбия, но и „трам-там-там“ Маши и Вершинина и „если бы знать!“ Ольги и сестер» (*Паперный З. С.* «Вопреки всем правилам...»: Пьесы и водевили Чехова. М., 1982. С. 196).

Отчего так трудно людям жить, так мало они друг друга понимают, и так мало, совсем не интересуются друг другом, будто все в разные стороны смотрят и все чувствуют себя нехорошо? Нет ничего, что заставило бы их обернуться лицом друг к другу, узнать друг друга и протянуть руки²⁴.

Так воспринимали их и исследователи:

Чехов не переставал подчеркивать холод жизни в привычном быту людей, когда даже при близком общении люди оказываются очень далекими от подлинного внимания друг к другу²⁵.

Все это верно, но, как нам кажется, те, кто сводит проблемы коммуникации у Чехова только к указанию на «недостаток понимания между людьми из-за мелких дрязг» и призыву «протянуть друг другу руки», не учитывают всей глубины поставленных в его текстах вопросов. Для того, чтобы достичь взаимопонимания, нужно, чтобы слово другого адекватно представляло реальность и / или выражало желания, чтобы оно не содержало манипуляций и самообмана, чтобы оно было действительно, а не по форме адресовано собеседнику, чтобы это слово не заглушал посторонний шум, чтобы говорящий был способен сформулировать мысль или передать чувство в словах, чтобы язык говорящего и язык вообще был достаточен для достижения целей данного коммуникативного акта, чтобы представления о реальности, а также лингвистическая и коммуникативная компетенция собеседников имели поле пересечения и т. д. Все эти условия постоянно нарушаются у Чехова. Провалы коммуникации²⁶ далеко не всегда могут быть исправлены личными усилиями и доброй волей говорящих, наиболее очевидная ситуация «диалога глухих» — это только вершина айсберга. Проблемы гораздо серьезнее, они затрагивают все стороны коммуникации, саму природу знака, языка и моделирующих систем.

---

²⁴ Письмо читательницы О. А. Смоленской к А. П. Чехову. Цит. по: *Папёрный З. С.* «Вопреки всем правилам...». С. 192.

²⁵ *Скафтымов А. П.* О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 393.

²⁶ Само выражение «провал коммуникации» вошло в чеховедение из работы: *Щеглов Ю. К.* Молодой человек в дряхлеющем мире (Чехов: «Ионыч») // *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Мир автора и структура текста. Тенафлу, 1986. С. 23—24. Здесь «провал коммуникации» рассматривается как одна из трех констант чеховского мира, наряду с «культурой штампов» и «надо и нельзя» (тиранией над личностью).

Чтобы проиллюстрировать этот тезис и показать всю сложность вопроса, составим небольшой (по масштабам чеховского мира) список нарушений нормальной (или «успешной») коммуникации. Возьмем пока за образец классическую модель коммуникативного акта, предложенную Р. О. Якобсоном в работе «Лингвистика и поэтика»²⁷: факторами коммуникации, каждому из которых соответствует своя функция языка, являются сообщение, адресат, адресант, контакт, код и референт. Чеховские тексты демонстрируют самые разнообразные виды отрицания каждого из этих факторов:

Сообщение может подменяться молчанием героев в коммуникативной ситуации, причем немотивированным и нереально длительным (час — «Моя жизнь», полтора часа — «Архиерей», двенадцать часов — «В родном углу»); осмысленные высказывания сменяются бессмысленными репликами — как полностью лишенными языковой семантики («тарарабумбия» — «Володя большой и Володя маленький», «Три сестры»), так и десемантизированными в данном контексте («Бабье царство», «У знакомых», «Страх» и мн. др.); лишаются смысла надписи, названия, прозвища (Бронза — «Скрипка Ротшильда», Сорок Мучеников — «Страх», «цоцкай» — «По делам службы» и др.); речь деформируется (Початкин — «Три года»; Прокофий — «Моя жизнь» и др.); иногда бессмысленная реплика становится главной речевой характеристикой героя, его лейтмотивом («ру-ру-ру» доктора Белавина — «Три года», «у-лю-лю» Степана — «Моя жизнь» и др.); одна и та же реплика многократно повторяется, стираясь, лишаясь изначального смысла (Туркин — «Ионыч», Шелестов — «Учитель словесности» и мн. др.); среди чеховских героев есть множество мономанов, способных говорить только на одну тему (Лида — «Дом с мезонином», Рагин — «Палата № 6», Кузьмичев — «Степь» и мн. др.); часты случаи частичного или полного непонимания читаемых и произносимых слов («Мужики», «Новая дача», «Попрыгунья» и др.) и т. д. В результате сообщение часто оказывается деформировано, десемантизировано, дефектно.

Адресат исключается незнанием адреса («Ванька», «Лошадиная фамилия», «Три сестры») или неверным адресом (письмо Зинаиды Федоровны к Орлову — «Рассказ неизвестного человека»); обращением неизвестно к кому (Редька — «Моя жизнь»; сторож Игнат — «Белолобый», Сисой — «Архиерей» и др.), к животным

²⁷ См.: Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм — «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.